

МУЗЫКА И ВРЕМЯ

ЗАМЕТКИ
КОМПОЗИТОРАДмитрий ШОСТАКОВИЧ
Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии

В ИСКУССТВЕ существует свой, ни на что не похожий, если можно так выразиться, отсчет времени — свои часы, сутки, годы, столетия. Это время не всегда совпадает с обычным ходом жизни — то чуть отстает, то забегает вперед. И хотя искусство глубочайшим образом соотносится с жизнью, все же оно движется и развивается по своим особым законам. Качественные изменения, сдвиги происходят и познаются в нем не сразу.

Я заговорил об этом потому, что мне очень трудно передать внешне выражение перемен, происходящих в советском искусстве за последнее время. Перемены есть, только характер и результат их не внешний, а глубоко внутренний. Тут не скажешь, что в нынешнем году писатели и композиторы стали работать лучше, создали больше произведений, чем год или два назад. Это было бы, по меньшей мере, наивно. Но можно уверенно заявить, что все мы работаем сейчас иначе, чем прежде.

Многое изменилось в нашей художественной жизни после исторических встреч руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. Ширится, становится более демократичной работа наших творческих союзов. Более емким стало общественное содержание жизни каждого советского художника. И самое главное — все мы живем и работаем сейчас с новым чудесным ощущением еще большей духовной близости к родной Коммунистической партии. Искренность, сердечность, какая-то особая теплота личного общения с руководителями партии — все это радует, окрыляет, дает советским художникам могучий творческий стимул. Это прекрасно!

Я бы сказал, что в нашу музыку пришло новое творческое состояние. Музыка в буквальном смысле слова двинулась по всей стране. С большим успехом прошли, например, смотры русской советской музыки в Молдавии, Киргизии, Узбекистане, Бурятии. Недавно в волжских городах Ульяновске, Куйбышев, Казани состоялся интересный музыкальный фестиваль, посвященный великому Ленину. Плодотворным оказался творческий отчет ленинградских композиторов в Саратове. Всех нас, участников этих встреч, подобные события заряжают творческой энергией. Наша музыка звучит в гуще народа, и мы, композиторы, в живых встречах, дискуссиях, спорах слышим отклик советских людей на то, что мы пишем. Хочу выразить от имени всех моих коллег благодарность партийным и общественным организациям республик и городов, оказавших нам, композиторам, огромную помощь в проведении музыкальных фестивалей. Теперь желательны ответные визиты музыкантов братских республик в РСФСР. Мы встретим их столь же тепло, как они встречали нас.

Однако хорошая организация концертов и теплота личных встреч не могут, конечно, заменить главного — творче-

ских результатов. И тут нам есть что покритиковать. В мае состоялся смотр творчества ростовских композиторов в Ростове-на-Дону. Мы все очень хотим, чтобы эта композиторская организация была одной из лучших в России. Этого, увы, пока не скажешь. Художественный уровень большинства показанных нам произведений невысоок. Это тем более обидно, что там же мы слушали замечательные коллективы музыкальной самодельности.

Вопрос качества, художественного мастерства — это вопрос жизни искусства. О каких творческих завоеваниях можно говорить, если композитор не владеет техникой своего дела? Придавая огромное значение идейности, содержательности нашего искусства, мы вместе с тем должны помнить, что никакая идея не дойдет до слушателей, не будет понята ими, если она выражена коряво, грубо, неумело. Благие намерения, удачно найденная тема — это еще не искусство.

Попуно скажу и о легкой музыке. Неблагополучие на этом участке творчества не может нас не тревожить. Легкая музыка, в том числе и джаз, существует пока что сама по себе, в отрыве от больших задач нашего искусства. А ведь это огромная сила, способная обращаться к миллионам людей. Нам нужна музыка яркая, жизнерадостная, музыка хорошего вкуса и высокого мастерства.

Мы за хороший джаз, хорошую песню, хорошую танцевальную музыку. Суррогаты или дешевое подражание Западу нам не нужны. Талантов нам не занимать. У нас есть много замечательных мастеров, способных двинуть вперед нашу легкую музыку и джаз.

СРЕДИ МНОГИХ ПРОБЛЕМ нынешнего музыкального бытия меня особенно волнует проблема так называемого авангардизма. Не знаю, откуда появился этот термин, но применение его к определенным творческим явлениям кажется мне величайшим надувательством. О каком авангарде, т. е. явлении передовом, прогрессивном, можно говорить, когда видишь полное вырождение и профанацию искусства! Додекафонная, серийная, пуантилистическая и др. музыка — одно из величайших зол искусства XX века. Глубоко заблуждаются немногочисленные наши музыканты, которые пытаются писать в этом «модном» плане. Они заблуждаются и по существу, и исторически. Эта так называемая авангардистская музыка имеет весьма солидный возраст. Со времени ее возникновения прошло полвека, а я не могу назвать ни одного произведения этого толка, которое осталось бы жить и влиять на слушателей.

Всякое художественное течение ценно прежде всего своим позитивным вкладом в историю искусства. Таковы, например, при всех своих противоречиях, импрессионизм в живописи или веризм в музыке. Но что оставит после себя «авангардизм»? Одни тлеющие головешки, которые апологеты, крича на весь мир, хотят выдать нам за живой лес.

Как ни криливо рекламируют себя сами композиторы-«авангардисты», как ни стараются их поддержать многочисленные зарубежные музыкальные журналы, общества, радио и телевидение, в действительности мы видим страшную картину. Слушатели не принимают этой музыки. Мне много приходилось бывать за границей, в странах, где так называемый

авангардизм признан официально и всячески поднимается на щит, и я всякий раз наблюдал, как мало слушателей посещает концерты подобной музыки. Вот в этом и сказывается полная бессмыслица творчества этих самых «авангардистов». Если композитор сочиняет музыку для широкой аудитории, для народа, он должен достичь того, чтобы его идеи и мысли были понятны. Но эти мысли никак не могут быть доступны слушателю из-за такого тяжелого извращения в музыкальном искусстве, которое мы наблюдаем на буржуазном Западе.

К сожалению, те, кого увлекает подобное творчество, забывают, что новизна «авангардистской» музыки мнимая. Эта новизна начисто отменяет понятие индивидуальности, нивелирует музыку, выхолащивает из нее всякий намек на содержание. Сколько я ни слушал эффектных сочинений «авангардистов», я по сей день не могу отличить, скажем, музыку Булеза от музыки Штокгаузена, Генце от Штукеншмидта. Ужасающее звуковое однообразие, звуковой хаос, в котором нет никаких устоев для нормального человеческого слуха! Я убежден, что «авангардизмом» многие музыканты пытаются прикрыть отсутствие таланта. Известно несколько случаев (в Западной Германии, Франции), когда композиторы, решив порвать со своими «авангардистскими» интересами, попытались написать реалистическую музыку — и тут обнаружилось, что «король-то голый», что таланта нет, умения нет, мастерства нет, идей нет — одна жалкая пустота!

Вот история композитора Арнольда Шёнберга, одного из основоположников «авангардизма». Свой большой талант он поставил на службу ложным идеям, которые сам изобрел. Этот человек говорил, что музыка вообще ничего не выражает и ничего не способна выразить, что это пустая игра звуками. Но тем не менее даже Шёнберг, видя трагизм второй мировой войны, отбросил все свои декларации и попытался откликнуться на потрясение его события. Он написал большую ораторию «Свидетель из Варшавы», пользуясь своим, так называемым авангардистским языком. Сюжет этого произведения, направленного против фашизма, против жертв войны, достоин уважения. Но когда я прослушал ораторию, я увидел вопиющее несоответствие гуманистической идеи и формы, в которой эта идея выразилась. Произведение получилось запутанное, непонятное.

На примере этого, да и многих других произведений, нередко написанных людьми прогрессивных взглядов, видишь, что сложнейшая художественная система «авангардистов» оказывается неспособной выразить даже самое гуманистическое содержание.

Однажды я разговорился с молодым и не бесталанным итальянским композитором, слепо исповедующим «авангардистскую» веру. Его сочинение, по идее очень прогрессивное, потерпело полный провал при исполнении. Композитор сказал мне, что это его не волнует: пройдет пять десятков лет, и народ его поймет. Мне было горько его слушать. Он утешал себя точно так же, как утешали себя апостолы «авангардизма» 40—50 лет назад. Однако время прошло, и никто не зовет из небытия их претенциозные сочинения.

Я очень жалею, что такой великий музыкант, как

И. Стравинский, написавший много прекрасной музыки, в последние годы отдал дань этим старомодным течениям и, увы, не создал ничего значительного.

Существует мнение, что «авангардизм» якобы ценен своими экспериментами в сфере музыкального языка. «Это поиски», — заявляют защитники «авангардизма». Решительно с этим не согласен. Поиски нового — святая обязанность всякого художника. Без новых идей и форм искусство умрет. Но что понимать под новым — создание, как это всегда было у прогрессивных художников, или одно разрушение, что мы видим у «авангардистов»? Ответ, думаю, ясен. Поиски нового должны идти в русле реализма, только тогда это новое будет прогрессивно, понятно тем людям, для которых в сущности и создается искусство.

«Авангардизм» — явление глубоко реакционное, упадочническое. Ему нет и не может быть места не только в нашей, советской культуре, но и во всем прогрессивном современном искусстве. Нам, советским музыкантам, надо вести активную борьбу с этим течением. Мы должны наступать, смело утверждать свой творческий метод.

Мы не одиноки в этой борьбе. На Западе многие прогрессивные музыканты, например Бенджамин Бриттен, Дариус Мийо, Пауль Хиндемит, Карл Орф, Самюэль Барбер, Джанкарло Менотти, Аарон Копленд и многие другие, резко отрицают «авангардизм», создавали и создают замечательные реалистические произведения.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ несколько слов о том, что хотелось бы назвать режимом работы композитора. Мы все, стоящие у руководства и Союза композиторов Российской Федерации и Союза композиторов СССР, уже в солидном возрасте. Но начиная мы работать тогда, когда был организован Союз советских композиторов, — около тридцати лет тому назад, когда нам всем было на три десятка лет меньше, чем сейчас. Я категорически за то, чтобы нашу талантливую, интересную молодежь обязательно привлекать к общественной работе, к руководству творческими союзами, к активной деятельности, к активным поездкам по стране, чтобы они брали с нас в этом пример.

Хотел бы рассказать об одном разговоре, касавшемся лично меня. Как-то возник вопрос об очередной зарубежной поездке. Должен сказать, что я с большой радостью ехал по нашей стране и буду ездить, поскольку такие поездки очень помогают нам. За границу тоже ехал с интересом, но не всегда это бывает ко времени, если учесть творческие планы. И вот, беседа с товарищем, который настаивал на одном моем очередном выезде за границу, я сказал: «Знаете, может, кто-нибудь поможет поехать? Я хочу сочинять, это я считаю своей главной обязанностью перед партией, перед народом». Товарищ мне ответил: «Вы, говорит, уже много сочинили, вы, говорит, можете и поехать, а молодые композиторы еще сочинили мало, пусть посочиняют, а потом уже поедят...»

Мы, советские композиторы, живем сейчас одной мыслью — создать большие, достойные произведения к великим датам в истории нашей страны: к 50-летию со дня установления Советской власти и к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

О себе могу сказать, что главной моей задачей на ближайшее время является создание оперы «Тихий Дон» по мотивам 3-й и 4-й книг романа М. Шолохова.